

Н.М. Долгорукова

© Долгорукова Н.М., 2021

«БАХТИН СРЕДНЕВЕКОВЫЙ»: ОБРАЗ ТАВЕРНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ФАБЛИО XIV в.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Аннотация. В предлагаемом исследовании сделана попытка показать основательность воззрений М.М. Бахтина на средневековый карнавал и «карнавализацию» на таком материале «смеховой литературы», который Бахтину, скорее всего, не был известен либо был упомянут в его книге о Рабле, но подробно не разбирался им по объективным причинам. В рамках статьи будет проанализировано одно французское фаблио XIV в. «Три дамы из Парижа», которое обыгрывает мотивы карнавального переворачивания, материально-телесного низа и в котором парижская таверна, приобретая более конкретные черты, все еще изображается, как и в песнях вагантов, амбивалентно.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; средневековый карнавал; пародия; “Les trois dames de Paris”.

Получено: 20.08.2021

Принято к печати: 14.08.2021

Информация об авторе: Долгорукова Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Покровский бульвар, 11, 109028, Москва, Россия.

E-mail: natalia.dolgorukova@gmail.com

Для цитирования: Долгорукова Н.М. «Бахтин средневековый»: образ таверны во французском фаблио XIV в. // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 155–165. DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.09

Natalia M. Dolgorukova
© Dolgorukova N.M., 2021

“MEDIEVAL BAKHTIN”: THE IMAGE OF A TAVERN IN A FRENCH FABLIAU OF THE XIV CENTURY

Acknowledgements. The research was carried out in 2021 within the framework of the Basic Research Programm of the High School of Economics.

Abstract. Bakhtin’s concept of a medieval carnival and “carnival attitude”, set out mainly in the book on Rabelais (1940; 1965), was often criticized for the absence or lack of medieval texts cited by the author of the book in support of his concept (A.Y. Gurevich, M.L. Gasparov, a book by the French medievalist D. Bute about medieval parody, many others). In the proposed study, an attempt will be made to show the thoroughness of the views of M.M. Bakhtin to a medieval carnival and “carnivalization” on such material of “laughter literature” that Bakhtin most likely did not know, or was mentioned in his book about Rabelais, but which he did not understand in detail for objective reasons. Within the framework of the article, one French fabliau of the XIV century “The Three Ladies of Paris” will be analyzed, which plays up the motives of a carnival overturn, a material bodily lower stratum and in which a Parisian tavern, acquiring more specific features, is still depicted ambivalently as in the songs of the vagabonds.

Keywords: M.M. Bakhtin; medieval carnival; parody; “Les trois dames de Paris”.

Received: 20.08.2021

Accepted: 14.08.2021

Information about the author: Natalia M. Dolgorukova, PhD in Philology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Pokrovskii Bulvar, 11, 109028, Moscow, Russia.

E-mail: natalia.dolgorukova@gmail.com

For citation: Dolgorukova, N.M. ““Medieval Bakhtin”: The Image of a Tavern in a French Fabliau of the XIV Century”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 155–165. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.09

Бахтинскую концепцию средневекового карнавала и «карнавального мироощущения», изложенную главным образом в книге

о Рабле (1940; 1965), нередко критиковали за отсутствие или недостаток средневековых текстов, приводимых автором книги в подтверждение его концепции (А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, Натали З. Дэвис, книга французского медиевиста Д. Буте о средневековой пародии, многие другие). Эту критику в 2020 г. в электронной анкете образовательного портала «Горький», посвященной 125-летию М.М. Бахтина, резюмировал С.Н. Зенкин: «Стал ли он филологом? Бахтин никогда не занимался архивными изысканиями, публикацией и комментированием памятников. У многих профессиональных филологов его теоретические работы вызывают настороженность, потому что в них не достает привычного филологам исторического аппарата: не хватает массивированных ссылок, историко-литературных параллелей и т.п. Есть только очень общие, очень смелые и впечатляющие теоретические идеи, которые филологу-позитивисту хотелось бы проверить и, возможно, опровергнуть конкретными фактами – каковые обычно и находятся. Таковы сложные отношения с Бахтиным у ряда значительных историков литературы» [6]. Эту критику продолжают другие современные действующие филологи в других современных анкетах и журналах. Вот что, например, совсем недавно высказал о М.М. Бахтине А.В. Серебренников: «Ничто не идет в сравнение с глубоко перепахавшим меня “Творчеством Франсуа Рабле и народной культурой средневековья и Ренессанса” М.М. Бахтина. Бахтинские идеи традиционно считаются сложными, противоречивыми и зачастую трудноописуемыми, и я помню, что первое впечатление от книги было именно таким, хотя в конечном итоге и положительным. Уже потом, ознакомившись с критикой Бахтина и современным состоянием вопроса, я понял, что меня так сбивало с толку: Бахтин соорудил, по словам одного из критиков, “культурологический фантом”, представив феномен карнавала в таком виде, в каком он нигде и никогда не существовал. В своих историко-литературных построениях Бахтин маргинальное ставил в центр, а типическое и стандартное отбрасывал в сторону, совершенно по-карнавальному меняя местами “верх” и “низ”, но при этом построенные на сомнительных основаниях выводы относительно романа как жанра идеально точны, особенно в том, что касается ранних его форм. Эту причудливую и парадоксальную книгу (на Западе смеютеорно объявляемую “марксистской”) сей-

час я воспринимаю *sunt grano salis*, но притом не могу не отрицать, что она в свое время меня сильно перевернула» [7]. Цель предлагаемого исследования – показать, что «культурологический фантом», якобы сконструированный Бахтиным, опирается на целый пласт средневековых (латинских и народных) текстов, которые Бахтину, скорее всего, даже не были известны либо были упомянуты им, но подробно не разбирались по объективным причинам.

Средневековых текстов, действие которых происходит в таверне, сохранилось великое множество. Это тексты разных веков и разных жанров: латинские песни вагантов XII в. из манускрипта *Carmina Burana* [9, с. 191, 193, 195, 196, 222]¹, арапские драматические произведения XIII в. (анонимный «Куртуа из Арасса», «Игра о святом Николае» и «Игра под листвой» Жана Боделя), макаронические тексты XIII в., смешивающие французский и латинский языки («Винный Отче наш», «О женщинах, костях и таверне»), хроники и фаблио XIII–XIV вв. («Трое слепых из Компьеня», «Об Эстурмии», «Взятие Александрии» Гийома де Машо и др.). В рамках статьи нам придется ограничиться анализом лишь одного французского текста, относящегося, на наш взгляд, к карнавальной литературе Средневековья.

Речь идет о старофранцузском фаблио «Les trois dames de Paris» («Три дамы из Парижа») Ватрике из Кувена [11], поэта позднего Средневековья, чье творчество приходится на конец XIII – начало XIV вв. Эта «городская легенда» повествует о трех дамах, собиравшихся на мессу, но решивших отправиться в таверну. Упившись до потери сознания, дамы засыпают на улице, их принимают за мертвых и заживо хоронят на кладбище. Как отмечает Аллан Корбеллари, «авторы фаблио не случайно помещают повествование в городской мир, немедленно узнаваемый аудиторией» [10, с. 39–40]:

¹ Наш анализ одной песни из него см. в статье [5, с. 199–210].

¹⁶ L'an c'on dit. M.CCC. et vint,
un matin, devant la grant messe,
que la fame Adam de Gonneſſe
et ſa neice Maroie Clippe
²⁰ distrent que chascune a la
trippe
Iroient. II. deniers despendre,
S'en alerent sanz plus atendre
entre elles. II. a la teverne,
²⁴ en la maison Perrin du Terne,
qui nouviaus taverniers estoit.

¹⁶ В год, как говорят, 1320,
Утром, перед большой мессой
Жена Адама де Гонесса
И ее племянница Маруя Клиппе
²⁰ сказали, что они пойдут есть
требуху,
за два денье.
Они пошли, не тратя зря времени,
Зашли они в таверну,
²⁴ В дом Перрен дю Терн,
Который открыл новую таверну.

Итак, действие «Трех дам...» начинается на праздник Богоявления 1320 г. [8, с. 140]. С самого начала фаблио автор дает четкое указание на год, место и время событий («утром, перед большой мессой»). Важным здесь представляется упоминание мессы, так как дамы предпочтут ей таверну. Как пишет Доминик Буте, «выбор такого праздника как Богоявление для начала действия фаблио не случаен: этот праздник знаменовал конец так называемого периода “Двенадцати дней”, времени, когда, после зимнего солнцестояния световой день начинает увеличиваться и люди устраивают праздники дураков и осла. Таким образом, вместо христианского праздника, на котором должны были присутствовать три дамы, отправляясь на «большую мессу», они отправляются отмечать языческий праздник возрождения жизни» [8, с. 142].

Уже в начале фаблио вводится мотив переворачивания: церковь подменяется таверной, а сакральные хлеб и вино причастия – требухой. Бахтин пишет о ней следующее: «Требуха (“les tripes”) неоднократно фигурирует у Рабле и во всей литературе гротескного реализма (в ее латинской части слову “tripes” соответствует слово “viscera”). В данном контексте имеется в виду, конечно, кушанье. Желудок и кишки рогатого скота тщательно промывались, подсаливались и тушились. Заготовлять их впрок было нельзя, и потому в дни убоя скота эти “tripes” поедались без всякой меры и ценились ни во что. Считалось, кроме того, что даже при самой тщательной промывке в них оставалось не менее десяти процентов кала (к общему количеству требухи), который, следовательно, и поедался вместе с ними. Таковы “tripes”» [1, с. 177].

Характерно, что из всего многообразия вин и еды, которые позже будут описаны в фаблио, требуха появляется первой и сразу снижает образ и таверны, и самих дам.

Далее автор вкладывает в уста одной из дам «рекламу» вина с берегов Марны:

²⁸ Lors revint droit à l'encontrer
Dame Tifaigne la coiffière,
Qui dist: – «Je sai vin de riviere

Si bon qu'ainz tiex ne fu plantez;

³² Qui en boit, c'est droite santez,

Car c'est uns vins clers fremians,

Fors, ins, frèrs, sus langue frians,

Douz et plaisanz à l'avaler,

³⁶ A celui nous couvient aler,
Autre vin goust ne nous ara...»

²⁸ И наткнулись на
Даму Тифань, парикмахершу,
Которая сказала: «Я знаю вино с
берегов Марны²,
Такое хорошее, какое никто еще
не производил.

³² Кто его пьет, тот будет в добром
здравии,
Потому что это вино светлое,
пенистое,

Крепкое, с тонким, свежим и
изысканным вкусом,
сладкое – сколь приятно его пить.

³⁶ Нам нужно идти его пить,
другие вина не так вкусны...»

Перечисление различных свойств вина имеет прямое сходство с «криками Парижа», которые являются частым вставным жанром фаблио и о которых Бахтин также пишет в книге о Рабле: «это громкая реклама парижских торговцев. Этим крикам придавалась ритмическая стихотворная форма; каждый определенный “крик” – это четверостишие, посвященное предложению и восхвалению одного определенного товара» [1, с. 196]. Очень быстро подобные тексты начинают включаться в пьесы и фаблио, создавая эффект многоголосия [13]. Одна из важных черт криков – речь в них ведется всегда от первого лица, это прямая речь торговцев, что мы можем наблюдать и в нашем фаблио.

Обильные возлияния продолжаются, и появляется еще одно упоминание еды:

² «Vin de rivière» – вино с берегов Марны [см. 12, с. 233].

Et li dist: «Va nous aporter
⁸⁴ Pour nos testes reconforter
De la garnache iii chopines,
Et de tost revenir ne fines,
S'aporte gaufres et oublées...»

И сказала ему: «Сходи принеси нам,
⁸⁴ Чтобы взбодрить наши головы,
Гренаша три пинты
И, возвращаясь, не спеши,
принеси вафли и печенье...»

Слово «oublées»³ обозначает пресный хлеб, неосвященную просфору или облатку, которая, как известно, является неотъемлемой частью церковного ритуала причастия. Вкусение такого хлеба в таверне создает эффект десакрализации и подмены священного пространства профанным: это усиливает образ таверны как перевернутой церкви.

Финал пребывания трех дам в таверне плачевен:

Car n'avoient sens ne pooir

D'eles tant ne quant remuer,
¹⁹² Qui jà les vousist partuer;

Pour mortes les tenoient toutes.
Testes et mains avoient routes
Et touz sanglens cors et, visages.

И не было [у горожан] ни чувств,
ни сил,
Чтобы их расшевелить,
¹⁹² Даже если б кто-то захотел их
прикончить.
Все сочли их мертвыми.
Пробиты головы, переломаны руки,
И тела, и лица – в крови.

Дамы, потерявші сознание, лежат с переломанными частями тела, окровавленные и *словно мертвые*. Мотив «живых мертвцов» фигурирует в тексте и дальше.

³ Слово «oublées» в словаре старофранцузского языка имеет значения: «Pain azyme, hostie non encore consacrée» («пресный хлеб, просфора, еще не освященная») и «Sorte de gaufre, oublie» («вид вафли, облатка») ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/dmf/OUBLIE1> (дата обращения: 20.05.21)). В словаре Lexique Godefroy в качестве подходящих по смыслу значений приводится следующее: «Petit gâteau dont on se servait pour l'office divin, et qu'on у consacrait, l'hostie avant d'être consacré» («Маленькое печенье, которое используется на богослужении, которое там освящают». Так, слово «oublée» помимо обозначения определенного вида изделия из теста имеет и сакральное значение, будучи предметом церковных ритуалов. Из-за амбивалентности термина в тексте фаблио мы перевели его нейтрально «вафли», однако приняли во внимание, что слово может означать «просфору», «облатку»).

²⁰⁰ Et leur chetis barons cuidoient
Qu'il fussent em pelerinage,

Quant uns preudons de lear
visnage

Vint là qui bien les reconnut

²⁰⁴ Au cors que chascunè ot tout
nut;

<...>

Quant il ont leur fames trouvées

²⁰⁸ Gisant, nues et desrobéees,

Comme merdes enmi la voie.

N'est hons, s'il veúlt, qui ne les
voie

Par tout, et en coste et en mi...

²⁰⁰ А их несчастные мужья думали,
Что они отправились в паломни-
чество,

Когда один добрый человек, жи-
вущий неподалеку,

Пришел туда и сразу их узнал

²⁰⁴ По полностью голым телам!

<...>

Когда [мужья] нашли своих жен

²⁰⁸ Лежащими, голыми и разде-
тыми,

Как дермо посреди дороги –

Не стыдясь, если захочет, кто их
увидеть

с головы до пят, со всех сторон...

В данном фрагменте снова вводится мотив переворачивания: женщины должны были отправиться в паломничество, но пришли в таверну. Итог этого приключения красноречиво дидактичен. Здесь также проявляются мотивы, связанные с «телесным низом» и характерные для жанра фаблио (сравнение дам с «дермом»). Примечательна и ироническая деталь узнавания дам, также снижающая и регистр текста, и образ трех дам, при описании которых автор снова прибегает к церковной лексике («ладан»), но снова в перевернутом ключе:

N'onques ne murent pié ne chief

Si furent au moustier portées Des
Innocents et ²²⁴ enterrées,

L'une sur l'autre, toutes vives.

Hors leur sailloit par les gencives
Li vins, et par touz les conduis.

<...>

Elles n'odoient pas encèns,

У них не двигались ни ноги, ни
головы;

Их снесли в монастырь Невинно
убиенных

²²⁴ И похоронили на кладбище,
Одну на другой, еще живых.

Теперь из их десен течет
вино.

<...>

Они не пахли ладаном!

Итак, парижская таверна приобретает более конкретные городские черты, которых еще лишена таверна в песнях вагантов. Однако обе таверны вписываются в атмосферу карнавальной литературы с ее мотивами переворачивания и телесного низа. Оставаясь довольно веселой, парижская таверна имеет как назидательную, так и пессимистическую направленности. Тем не менее, как справедливо отмечает Алан Корбеллари, «три женщины в конце фаблио возвращаются в таверну и очевидно не выносят никакого урока из своего грустного приключения, что не дает нам права серьезно относиться к этой истории о «живых мертвцах» [10, с. 39–40] и считать парижскую таверну «веселой», как это делает Жан Дюфурне [14, с. 161]. Не являясь ни абсолютно «веселой», ни абсолютно «пессимистичной», парижская таверна представлена по-карнавальному амбивалентно.

Конечно, проанализированного нами в рамках одной статьи текста недостаточно, чтобы описать карнавальную литературу Средних веков и легитимировать Бахтинскую концепцию средневекового карнавала и карнавальной литературы. Тем не менее хочется надеяться, что начатая работа будет продолжена и латинский, и народный пласти смеховой литературы будут постепенно открываться и анализироваться, продолжая и развивая мысли М.М. Бахтина.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4(2). 752 с.
2. Гаспаров М.Л. Бахтин в русской культуре 20-го века // Вторичные моделирующие системы / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту: Тартуский государственный университет, 1979. С. 111–114.
3. Гуревич А.Я. Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 207–212.
4. Гуревич А.Я. «Гуманитарное знание... не должно бояться неясностей и парадоксов» // Arbor mundi. 2004. Вып. 11. С. 202–219.
5. Долгорукова Н.М., Бабенко К.В. “In Taberna Quando Sumus” как parodia sacra // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 199–210. DOI: 10.22394/2412–9410–2021–7-1–199–210

6. Зенкин С.Н. Демон русской теории: для чего сегодня нужен Михаил Бахтин // Горький Медиа. URL: https://gorky.media/context/demon-russkoj-teorii-dlya-chego-segodnya-nuzhen-mihail-bahtin/?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=prorok-dialogizma--apostol-karnavala--i&utm_content=45379323&fbclid=IwAR3QrijJa0ddonwEOXOWfYvd0crg9T0GBANIdPwP6i4dHfnGueZ1Fp4ngBM (дата обращения: 18.11.2020).
7. Серебренников А.В. Академическое чтиво: Филологи Вышки – о любимых книгах и авторах // Окна роста. URL: <https://okna.hse.ru/news/479275903.html> (дата обращения: 08.07.2021).
8. Boutet D. Poétiques Médiévales De l'Entre-Deux, Ou Le Désir d'Ambiguïté. // Paris: Champion, 2017. 485 p.
9. Carmina Burana // ed. and tr. by D.A. Traill, vol. 2. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2018. 794 p.
10. Corbellari A. Des fabliaux et des hommes. Narration brève et matérialisme au Moyen Age. Genève: Droz, 2015. 205 p.
11. Watriquet de Couvin. Les Trois Dames De Paris // Fabliaux Français Du Moyen Age / ed. Ph. Ménard, vol. 1. Genève : Librairie Droz. 1979. P. 119–168.
12. Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France. Paris. 1959. P. 768.
13. Dolgorukova N. Les cris de Paris ou “la publicité médiévale”. De la fonction sociale à la fonction littéraire // Le Texte médiéval dans le processus de communication / ed. L. Evdokimova, A. Marchandisse. Paris: Classiques Garnier. 2019. P. 361–373.
14. Dufournet J. Variations dur un motif : la taverne dans le théâtre arrageois // Farai chansoneta novela. Essais sur la liberté créatrice au Moyen Age. Hommage à Jean Charles Payen / Caen: Centre de Publication de l’Université. 1989. P. 161–174.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii [v 6 (7) t.]* [Collected Works : in 6 (7) vols]. Moscow, Yazyki slavjanskih kul'tur Publ., vol. 4(2), 2010, 752 p. (In Russ.)
2. Gasparov, M.L. “Bakhtin v russkoi kul'ture 20-go veka” [“M.M. Bakhtin in Russian Culture of the Twentieth Century”]. *Vtorichnye modeliruyushchie sistemy [Secondary Simulation Systems]*, ed. Yu.M. Lotman. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1979, pp. 111–114. (In Russ.)
3. Gurevich, A.Ya. “Smech v narodnoi kul'ture srednevekovja” [“Laugh in Medieval Folk Culture”]. *Voprosy Lyteratury*, no. 6, 1966, pp. 207–212. (In Russ.)

4. Gurevich, A.Ya. “Gumanitarnoe znanie … ne dolzho boyat’sya neyasnosti i paradoxov” [“Humanitarian Knowledge… Should not Fear of Ambiguities and Paradoxes”]. *Arbor mundi*, vol. 11, 2004, pp. 202–219. (In Russ.)
5. Dolgorukova, N.M., Babenko, K.V. “‘In Taberna Quando Sumus’ as Parodia Sacra”. *Shagi/Steps*, vol. 7, no. 1, 2021, pp. 199–210. (In Russ.) DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-199-210
6. Zenkin, S.N. “Demon russkoi teorii: dlya chego segodnya nuzhen Mikhail Bakhtin” [“The Demon of Russian Theory: What is Mikhail Bakhtin for Today”]. *Gor’kii Media*. Available at: https://gorky.media/context/demon-russkoj-teorii-dlya-chege-segodnya-nuzhen-mikhail-bahtin/?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=prorok-dialogizma--apostol-karnavala-i&utm_content=45379323&fbclid=IwAR3QrijJa0ddonwEOXOWfYvd0crg9T0GBANIdPwP6i4dHfnGueZ1Fp4ngBM (date of access: 18.11. 2020). (In Russ.)
7. Serebrennikov, A.V. “Akademicheskoe chtivo: Filologi Vyshki – o lyubimykh knigakh i avtorakh” [“Academic Fiction: HSE Philologists – About Favorite Books and Authors”]. *Okna rosta*. Available at: <https://okna.hse.ru/news/479275903.html> (date of access: 08.07. 2021). (In Russ.)
8. Boutet, D. *Poétiques Médiévales De l’Entre-Deux, Ou Le Désir d’Ambiguïté*. Paris: Champion, 2017. 485 p. (In French)
9. *Carmina Burana*, ed. and tr. by D.A. Traill, vol. 2. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. 794 p. (In Latin)
10. Corbellari, A. *Des fabliaux et des hommes. Narration brève et matérialisme au Moyen Age*. Genève: Droz, 2015. 205 p. (In French)
11. Watriquet de Couvin. “Les Trois Dames De Paris”. *Fabliaux Français Du Moyen Age*, ed. Ph. Ménard, vol. 1. Genève: Librairie Droz, 1979, pp. 119–168. (In Old French)
12. Dion, R. *Histoire de la vigne et du vin en France*. Paris, 1959. 768 p. (In French)
13. Dolgorukova, N. “Les cris de Paris ou ‘la publicité médiévale’. De la fonction sociale à la fonction littéraire”. *Le Texte médiéval dans le processus de communication*, ed. L. Evdokimova, A. Marchandise. Paris: Classiques Garnier, 2019, pp. 361–373. (In French)
14. Dufournet, J. “Variations sur un motif : la taverne dans le théâtre arrageois”. *Farai chansoneta novela. Essais sur la liberté créatrice au Moyen Age. Hommage à Jean Charles Payen*, Caen: Centre de Publication de l’Université, 1989, pp. 161–174. (In French)